

УДК 81

Музыченко Е.Я.*Северо-Восточный государственный университет (г. Магадан)***ТИПЫ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА
(НА МАТЕРИАЛЕ ОРИГИНАЛА И ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК
ЧЕТВЁРТОЙ «ДУИНСКОЙ ЭЛЕГИИ» Р.М. РИЛЬКЕ)**

Аннотация. В статье рассматривается текст четвёртой элегии поэтического цикла Р.М. Рильке «Дуинские элегии» и её двенадцати переводов на русский язык. Сопоставительное исследование проводится на основе такого параметра, как тип предложения (простое, сложносочинённое, сложноподчинённое и период). Устанавливаются сходства и расхождения в подлиннике и переводах, определяется степень адекватности переводов и оригинала на синтаксическом уровне. Сравнительный анализ языкового материала позволяет сделать предварительный вывод о тенденции к упрощению синтаксиса при переводе поэтических текстов типа «Дуинских элегий».

Ключевые слова: четвёртая «Дуинская элегия» Р.М. Рильке, оригинал, перевод, простое предложение, сложносочинённое предложение, сложноподчинённое предложение, период.

E. Muzychienko*North-Eastern State University, Magadan***TYPES OF SENTENCES IN A POETIC TEXT
(IN THE TEXT OF R.M. RILKE'S FOURTH ELEGY OF THE POETIC
CYCLE "DUINO ELEGIES" AND ITS RUSSIAN TRANSLATIONS)**

Abstract. The text of R.M. Rilke's Fourth Elegy belonging to the poetic cycle "Duino Elegies" and its twelve translations into Russian are analysed in the article. The parameter taken as the basis for the comparative research is the type of the sentence (simple sentence, complex sentence, compound sentence and a period). Similarities and differences in translation on the syntactical level are defined. With the help of comparative analysis the degree of adequacy of translation is established. Comparative analysis of the original and translations shows the tendency to simplification of syntactic constructions in translations of poetry.

Key words: the fourth "Duino Elegies" of R.M. Rilke, original, translation, simple sentence, complex sentence, compound sentence, period.

Синтаксис поэтического текста представляет собой важное организующее звено стихотворной речи. Поэтическому синтаксису посвящены многочисленные исследования, в том числе таких учёных, как В.Г. Адмони, И.Р. Гальперин, А.И. Ефимов,

© Музыченко Е.Я., 2014.

И.И. Ковтунова, В.А. Кухаренко, Э.Г. Ризель. Эти и многие другие исследователи полагают, что ведущую роль в синтаксисе поэтического произведения играет предложение.

Так, А.И. Ефимов считает, что «наряду с синтагмой, основным «героем» стилистического синтаксиса являет-

ся предложение, как более сложная в смысловом, структурном и стилистическом отношениях и законченная композиция слов, от характера и своеобразия которой зависит специфика слога писателя» [8, с. 422].

Как утверждает В.Г. Адмони, предложение «имеет основополагающее значение» для синтаксического строя произведения [2, с. 16].

Такой же точки зрения придерживается В.А. Кухаренко, подчёркивающая главную роль предложения в художественном тексте, уточняющая, что на предложения в художественном тексте «накладываются индивидуальные авторские особенности, а также дополнительные экспрессивные, композиционные, тематические и прочие задачи, обусловленные специфическим характером художественной речи. Объединение этих трёх групп факторов и даёт синтаксическую картину конкретного художественного текста» [9, с. 56]. И, добавим мы, все эти факторы накладываются на типы предложений и модифицируют характер текста в зависимости от последовательностей в нём типов предложений.

Как известно, существует три основных синтаксических типа предложения: простое, сложносочинённое и сложноподчинённое. Кроме того, в качестве особого типа выделяют предложения, в которых встречаются оба вида связи: сочинение и подчинение. Таким образом, возникает единое целое, в котором от главного предложения может зависеть несколько сочинённых и подчинённых предложений. В связи с этим четвёртым типом предложения необходимо более подробно остановиться на такой синтаксической единице, как период.

Под периодом, как правило, понимают «сильно распространённое простое предложение или многочленное сложное предложение, характеризующееся со стороны содержания значительной полнотой и законченностью выражения мысли, единством темы, а со стороны интонации распадением на две части: повышение и понижение. Первая часть произносится с постепенно нарастающим повышением голоса, затем следует ясно выраженная пауза, после которой наступает заметное понижение голоса. Такое интонационное оформление образует как бы кольцо, круг: период открывается и замыкается одинаковым способом спокойного произношения» [10, с. 279].

Подобные дефиниции периода мы находим у многих языковедов. Так, А.Н. Гвоздев определял период как «литературно-обработанное сложное предложение, которое со стороны содержания характеризуется развёрнутым изложением темы, объединяющей ряд отдельных положений, а со стороны формы – упорядоченным расположением и ритмичностью» [6, с. 365]. По убеждению В.Д. Бондалетова и его соавторов, в синтаксической структуре периода заключены «огромные стилистические возможности эмоционального воздействия, а также полнота и законченность выражения мысли, ёмкость и изящество формы» [5, с. 176].

Однако в труде В.Г. Адмони «Введение в синтаксис современного немецкого языка», опубликованном ещё в 1955 г., наряду с общепринятым пониманием периода, выдвигается тезис о том, что термин *период* можно с большей эффективностью использовать к предложению, где скрещиваются под-

чинение и сочинение [1, с. 223–225]. Эту же идею В.Г. Адмони продолжал развивать и в другой монографии, а именно «Синтаксис современного немецкого языка» [2, с. 324–325]. Подобный подход в той или иной форме нашёл своё отражение и в известном словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой, в котором даются и такие определения периода: «Период – сложное синтаксическое построение, объединяющее ряд более или менее комплексных составляющих в виде законченного и уравновешенного целого; законченный отрезок речи, в том числе любое законченное предложение» [3, с. 321].

Исходя из положений работ В.Г. Адмони и данных словаря О.С. Ахмановой, в нашей работе мы будем пользоваться термином *период* применительно к любому сложному предложению, в котором имеется как сочинительная, так и подчинительная связь.

Рассмотрим обзорно характеристики основных типов предложений. Простое предложение (самостоятельное, по терминологии В.Г. Адмони) является основой синтаксического строя большинства языков, и поэтому в художественных текстах оно занимает значительное место. Тем не менее, простое предложение не противопоставляется сложному, поскольку у каждого из этих типов предложений в конкретном тексте свои стилистические задачи. Подчеркнём, что, несмотря на свою самостоятельность, простое предложение, как отмечает В.Г. Адмони, «как правило, очень чётко выявляет свою семантическую связь с другими предложениями в речевом потоке» [1, с. 211]. Следовательно, простое предложение всегда так или иначе

синтаксически связано в тексте с предложениями других типов – сложносочинёнными, сложноподчинёнными, периодами. При этом связь каждого предложения является, с одной стороны, контактной, т. е. оно связано с непосредственно соседствующим с ним предложением (левый и/или правый контекст), а с другой – дистантной, т. е. предложение в художественном тексте всегда в той или иной мере связано и с более отдалёнными предложениями (широкий контекст). Сложносочинённое предложение, как пишет В.Г. Адмони, «выявляет развёрнутые, широкие связи в объективной действительности, перерастающие границы простого распространённого предложения, и состоит из грамматически равноправных предложений» [1, с. 212].

Как показывает изучение большого количества работ по синтаксису, исследователи больше внимания уделяют сложноподчинённому предложению [4]. Сложноподчинённое предложение отличается от сложносочинённого тем, что части сложносочинённого предложения обладают большей самостоятельностью, в то время как в сложноподчинённом предложении степень самостоятельности его частей различна [7, с. 329].

Рассмотрев основные положения синтаксической теории типов предложений, перейдём к анализу встречаемости и функционирования различных типов предложений в «Дуинских элегиях» Р.М. Рильке. Синтаксическая структура поэтического цикла «Дуинские элегии» заслуживает особого внимания, так как синтаксис писателя является важной составляющей его индивидуального стиля. Особенности синтаксиса элегий заключаются в том,

что в нём используются самые разные синтаксические конструкции и разнообразные сочетаемости основных типов предложений.

Объектом рассмотрения в нашей статье выступают типы предложений в тексте четвёртой элегии данного цикла и воссоздание синтаксического своеобразия оригинала в переводах на русский язык.

По имеющимся у нас данным, четвёртая элегия переводилась на русский язык двенадцать раз. Здесь уместно привести краткий обзор переводов четвёртой «Дуинской элегии» на русский язык. В 1971 г. В. Микушевич переводит отдельные элегии цикла, в том числе и четвёртую элегию. В 1995 г. вышел в свет коллективный сборник переводов «Собрание стихотворений», в котором впервые опубликован полный перевод «Дуинских элегий» В. Микушевича. В 1996 г. изданы переводы полного поэтического цикла, выполненные В. Авербухом и М. Пиккель. В этом же году издаётся перевод четвёртой элегии, принадлежащий перу С. Мандельбаум; в 1999 г. В. Топоров публикует собственный перевод всех десяти элегий. В 2003 г. в свет выходит книга В. Куприянова «Стихотворения», в которой представлены разные поэтические циклы поэта, в том числе перевод пяти элегий, а именно первой – четвёртой и шестой. В 2003 и 2005 гг. на Интернет-сайтах были размещены переводы «Дуинских элегий», выполненные О. Слободкиной и Р. Пилигримом. В 2010 г. читателю представилась возможность познакомиться с переводом «Дуинских элегий» В. Летучего. В 2011 г. выходит полный перевод поэтического цикла «Дуинские элегии» В. Тарзаевой, а в 2012 г. появляется перевод Н. Болдырева.

При проведении сопоставительного исследования оригинала и переводов поэтического цикла «Дуинские элегии» на русский язык на синтаксическом уровне мы рассмотрели количество простых предложений (в том числе односоставных, неполных и нераспространённых), сложносочинённых предложений, сложноподчинённых предложений, периодов в оригинале, а также способы воссоздания значений данных синтаксических средств в переводах.

Необходимо отметить, что нами был проведён сплошной анализ всех десяти «Дуинских элегий» и их переводов как полного цикла, так и отдельных элегий, выполненных В. Авербухом, Н. Болдыревым, О. Дарком, А. Карельским, О. Комковым, В. Куприяновым, В. Летучим, С. Мандельбаум, В. Микушевичем, З. Миркиной, А. Пик, М. Пиккель, Р. Пилигримом, Г. Ратгаузом, О. Слободкиной, Е. Слуцким, В. Тарзаевой, В. Топоровым, А. Флота.

Всего нами проанализировано 422 предложения всех десяти элегий на немецком языке и 4683 предложения из переводов на русский язык. Ввиду большого объёма материала, мы в рамках одной статьи не можем представить все элегии и их переводы. Поэтому мы ограничились описанием итогов анализа последовательности типов предложений четвёртой «Дуинской элегии».

В представленной ниже синтаксической матрице оригинала и его переводных версий (табл.) отражены результаты, полученные после статистического исследования синтаксических структур четвёртой «Дуинской элегии» Р.М. Рильке и её переводов (в ячейках указано количество соответ-

ствующих типов предложений).

В матрице мы используем следующие сокращения: **ПП** – простые пред-

ложения; **ССП** – сложносочинённые предложения; **СПП** – сложноподчинённые предложения; **П** – период.

Таблица

**Синтаксическая матрица количественного соотношения
разных типов предложений в тексте-оригинале четвёртой
«Дуинской элегии» Р.М. Рильке и её переводах на русский язык**

Оригинал / перевод	ПП	ССП	СПП	П	Всего
Р. М. Рильке	23	4	11	5	43
В. Авербух	33	3	4	3	43
Н. Болдырев	35	7	5	7	54
В. Куприянов	26	5	9	2	42
В. Летучий	31	4	6	1	42
С. Манделъбаум	16	7	5	1	29
В. Микушевич	30	6	7	0	43
З. Миркина	60	6	7	2	75
М. Пиккель	30	8	6	2	46
Р. Пилигрим	24	6	8	4	42
В. Тарзаева	16	4	6	4	30
В. Топоров	36	3	6	0	45
О. Слободкина	37	0	11	3	51

Как видим, четвёртая элегия состоит из 43 предложений. Из них 23 – простых, 5 – сложносочинённых, 11 – сложноподчинённых предложений и 4 периода.

Представим схему синтаксического рисунка элегии: **ПП → ПП → ПП → ПП → ПП → СПП → СПП → ПП → СПП → П → ССП → ПП → ССП → ПП → ССП → ПП → ПП → П → ПП → ПП → ПП → ПП → ПП → СПП → ПП → ПП → СПП → П → СПП → СПП → ПП → ПП → ПП → СПП → ПП → СПП → П → СПП → ССП → ПП → СПП → ПП → ССП.**

Одной из особенностей синтаксической структуры этой элегии является, как мы видим, преобладание простых предложений в первой части элегии и их менее частотное употре-

бление во второй части текста. В первой части элегии нельзя установить прямую корреляцию между типом предложения и доминантными участками текста. Вторая часть элегии более значима по содержательной нагрузке, здесь лирическое «Я» приобретает активный характер, и именно в этой части сконцентрированы философские размышления автора. На наш взгляд, это является причиной осложнения синтаксиса второй части.

Относительно короткие самостоятельные простые предложения чередуются с предложениями со сложной синтаксической структурой, и только в двух случаях встречается пограничное функционирование осложнённых конструкций (9–11, 27–30 предложе-

ния). Периоды, появляющиеся в тексте элегии, также распределены фактически равномерно (10-е, 18-е; 28-е; 37-е предложения).

Обратимся к проблеме соотносённости содержания четвёртой элегии и типов предложения в ней. Условно текст элегии можно разделить на четыре структурно-семантические части. В зачине элегии (1-6 предложения) заметным является преобладание простых предложений. В них поэт задаёт тему элегии: человек, являясь частью окружающего мира, чувствует себя одиноким и бессильным. Далее (7–25 предложения) следует развитие темы жизни человека. Синтаксические конструкции «обрастают» различными видами связи: сложноподчинённое предложение примыкает к периоду, вслед за которым следует подряд тройное чередование сложносочинённых предложений с простыми. Рильке не принимает бездуховное существование человека, неискренность, вечную маску. Человеку противопоставлена кукла, которая, являясь настоящей, без притворства позволяет управлять собой. Рильке определяет её как нечто полное, цельное. Цепочка из пяти простых предложений как бы подчёркивает весь трагизм противопоставленности неискренного человека естественной кукле. Предложения 26–38 представляют диалог героя с отцом, что также отражается на синтаксической структуре предложений. Синтаксис усложняется: на схеме это отражено в чередовании сложноподчинённых предложений, периода и нескольких простых предложений. Концовка элегии (39–43 предложения) содержит также предложения с различными видами связи. Рильке завершает элегию

темой детства, связывая её с главной мыслью элегии, а именно с тем, что смерть вложена в ребёнка заранее – с момента его рождения.

Приведём пример такого чередования простых предложений и предложений с различными видами связи: *Ich will / den Balg aushalten und den Draht und ihr / Gesicht aus Aussehn. Hier. Ich bin davor. / Wenn auch die Lampen ausgehn, wenn mir auch / gesagt wird: Nichts mehr –, wenn auch von der Bühne / das Leere herkommt mit dem grauen Luftzug, / wenn auch von meinen stillen Vorfahrn keiner / mehr mit mir dasitzt, keine Frau, sogar / der Knabe nicht mehr mit dem braunen Schielaug: / Ich bleibe dennoch. Esgibtimmer Zuschaun. / Hab ich nicht recht?* Отрывок вводится простым предложением, за которым следуют два простых предложения, из которых одно однословное, а другое простое нераспространённое. Далее следует период, представляющий собой развёрнутое сложное предложение с четырёхкратным повтором придаточных предложений условия, каждое из которых открывается анафорой: «wennauch...». Завершатся фрагмент двумя простыми предложениями (одним повествовательным и одним вопросительным).

Обратимся к переводам четвёртой элегии на русский язык. При воссоздании синтаксического рисунка оригинала переводчики часто использовали различного рода синтаксические трансформации и замены. Как правило, это преобразование простых предложений в сложные и дробление сложных предложений на самостоятельные. Так, в первой части перевода элегии С. Мандельбаум объединяет несколько простых предложения в одно сложносочинённое предложение;

ср.: *O Bäume Lebens, o wann winterlich?/ Wir sind nicht einig. Sind nicht wie die Zugvögel / verständigt. Überholt und spät, / so drängen wir uns plötzlich Winden auf und fallen ein auf teilnahms losen Teich.* – Когда ж по-зимнему, о древа, / Мы не едины, не сопряжены, / как стая птиц; мы вечно отстаём, / запаздываем, вдруг бросаемся / на ветер и в пруд неучастливый обрушиваемся.

Переводчик З. Миркина делит сложноподчинённое предложение и период второй части элегии в одном случае на два, в другом – на четыре простых предложения; ср.: *O Stunden in der Kindheit, da hinter den Figuren mehr als nur / Vergangnes war und vor uns nicht die Zukunft. / Wir wuchsen freilich und wir drängten manchmal, bald groß zu werden, denen halb zulieb, die andres nicht mehr hatten, als das Großsein.* – О наше детство! Когда мы видели за вещью не только вещь, за прошлым – не только прошлое, и в будущем таилось не только то, что будет... Конечно мы росли. Одним хотелось большими стать скорее, но другие полуохотно расставались с этим провалом внутрь и тайной сопричастья всему, что есть.

Другой стратегии придерживается В. Тарзаева. Она объединяет это сложноподчинённое предложение и период в одну сложную синтаксическую единицу, усложняя синтаксическую структуру текста.: *O, детства время, когда за запахом стояло всё до-знание из былого, впереди не мнилась будущность; хотелось только быстрее взростеть, хотя бы ради тех, кто за судьбу свою лишь годы нажил, а мы, при всей отдельности от мира, довольны были чем-то неизменным: зазором между миром и игрой.*

Однако в большинстве переводов

этого отрывка на русский язык мы наблюдаем сохранение синтаксического рисунка оригинала; ср.:

– О время в детстве: где из-за фигур / глядело нечто большее, чем прошлость, / а будущность была не впереди! / Где мы росли и повзростеть спешили / хотя бы ради тех, кто кроме как / преклонных лет не нажил ничего (В. Летучий);

– О, время детства, / там, за фигурами, было больше чем только / Прошедшее, и перед нами – не Будущее. / Мы росли конечно же, и мы иногда настаивали, / быть скорей большими, некоторым это / наполовину нравилось, / другим же, – больше всего хотелось стать Взрослыми. (Р. Пилигрим);

– О время детства, в нём за этими фигурами стояло, / и больше, чем теперь, лишь прошлое, и будущего не было. / Росли свободно мы, и многие старались повзростеть, / одни, чтоб полюбить, других манила взрослых жизнь (М. Пиккель).

Единичные расхождения в других переводах по количеству предложений с оригиналом связаны с тем обстоятельством, что переводчики дробят сложные предложения на несколько меньших по объёму, и наоборот, объединяют простые предложения в одно синтаксическое целое. Однако в основном переводчики соблюдают авторское членение текста на предложения.

Подчеркнём, что многие переводчики часто обращаются при переводе к сложносочинённым и реже используют сложноподчинённые предложения, периоды по сравнению с оригиналом. Таким образом, переводчики упрощают синтаксическую структуру оригинала. Например, при одиннадцати сложноподчинённых предложе-

ний у Рильке у двенадцати переводчиков эта сумма составляет всего 6,7 предложений, а при пяти периодах в оригинале в совокупности переводов мы обнаруживаем количество 2,4. Из этого можно сделать предварительный вывод о тенденции к упрощению синтаксиса при переводе поэтических текстов типа «Дуинских элегий». Однако этот вывод нуждается в подтверждении на основании более объёмного материала.

По степени воссоздания такого синтаксического параметра оригинала, как осложнённые предложения, наиболее близкими к оригиналу оказались переводы В. Куприянова и Р. Пилигрима, в то время как в переводных версиях З. Миркиной, В. Микушевича и В. Топорова прослеживается значительное отклонение от оригинального текста.

Мы выяснили, что синтаксическая структура четвёртой элегии в некоторой мере отражает содержательную структуру этого произведения Рильке. Однако прямых корреляций между смысловым развитием элегии и её синтаксическим развёртыванием обнаружить не удаётся. Видимо, по этой причине большинство переводчиков относятся к воссозданию синтаксиса оригинала весьма вольно, так что этот компонент формы оказывается воссозданным неадекватно. Является ли это общим законом поэтического перево-

да, или это частный случай переводческих стратегий, можно будет выяснить на основе анализа переводов всего поэтического наследия Р.М. Рильке и других поэтов на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Адмони В.Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1955. – 391 с.
2. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка (система отношений и система построений). – Л.: Наука, 1973. – 366 с.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 608 с.
4. Белошапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1967. – 160 с.
5. Бондалетов В.Д. и др. Стилистика русского языка / Под ред. Н.М. Шанского. – Л.: Просвещение, 1982. – 286 с.
6. Гвоздев А.Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Просвещение, 1965. – 408 с.
7. Гулыга Е.В., Натанзон М.Д. Грамматика немецкого языка. – М.: Менеджер, 2004. – 400 с.
8. Ефимов А.Е. Стилистика художественной речи. – М.: Изд-во Московского университета, 1961. – 519 с.
9. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. – М.: Просвещение, 1988. – 192 с.
10. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976. – 543 с.